

В Дуннине мужчины занимают главенствующее положение, а статус женщины в обществе невысок. Они повсюду ограничены рамками этикета, и если Западный Лян будет присоединен, женщинам придется следовать жестким канонам Дуннина.

Однако принцесса Жунхуа намеревалась использовать ситуацию с Западным Ляном, чтобы повысить социальный статус женщин Дуннина, что встретило яростное сопротивление и критику со стороны многих сановников и ученых мужей. Ей пришлось обратиться к Инь Вэю, в руках которого была сосредоточена императорская власть, с просьбой тщательно обдумать этот вопрос.

Повышение статуса женщин неизбежно затронуло бы интересы консервативных сил. Если Инь Вэй хотел заручиться их поддержкой и укрепить свою власть, он должен был считаться с их требованиями. Но и отказать принцессе Жунхуа он не мог, поэтому решил переложить эту сложную задачу на плечи литераторов, расширив формат диспута трех академий до уровня всего сословия ученых.

Результат был предсказуем: большинство литераторов и власть имущих встали на сторону устоявшейся этики и моральных норм. В оригинале истории принцесса Жунхуа в итоге скончалась, терзаемая горечью от этого поражения. Даже после ее смерти конфуцианцы продолжали поносить ее за те неуместные, по их мнению, слова.

Цзянь Иянь подпер подбородок рукой, кончики пальцев мерно постукивали по столу. Сегодня должны были утвердить всех участников диспута с обеих сторон, и почти все его окружение выбрало позицию следования старым порядкам. Система в этот момент молчала, ожидая его решения.

Он выпрямился, обмакнул кисть в тушь и старательно вывел:

— Реформы и перемены, доблесть жен не менее достойны восхваления.

Весь день прошел в полудреме или пустых раздумьях.

Благодаря усилиям принцессы Жунхуа обеим сторонам дали десять дней на подготовку. Цзянь Иянь просмотрел список имен: десять человек в оппозиции были сплошь высокопоставленными вельможами и закостенелыми консерваторами. А его противником в споре снова был Пэй Жун.

Из-за численного перевеса консерваторов и малочисленности реформаторов диспут проводился в формате десяти дебатов — по десять человек с каждой стороны. Перед началом каждый должен был предоставить три экземпляра текста своей речи: один для подачи, второй для Академии Ханьлинь, третий для судьи. Вердикт выносился на основе представленных доводов и самих текстов.

Пэй Жун обладал блестящим красноречием и почти каждый год выходил победителем из подобных споров. Цзянь Иянь раздраженно взъерошил волосы, стул под ним со скрипом сдвинулся с места.

Цзянь Иянь проявил упрямство: он проигнорировал попытки Цзянь Шучи и Сяо Ли отговорить его, собрал необходимые книги и записи и перебрался в дом Цзян Юня, решив обосноваться там. Ему требовалась спокойная обстановка для написания текста.

Цзянь Исин пришел в ярость, он едва не задохнулся от гнева. Его неоднократно высмеивали коллеги при дворе, и все из-за такого непутевого сына! Совсем от рук отбился!

На весь огромный Лоян лишь пятнадцать человек поддержали сторону принцессы Жунхуа.

Гоцзыцзянь: четверо.

Академия Ганьчэн: один.

Павильон Хунвэнь: никого.

Академия Ханьлинь: никого.

В день объявления результатов Цзянь Иянь отчитали на все лады. Госпожа Ван сидела в стороне, не пытаясь успокоить мужа.

— Вон отсюда! — взревел Цзянь Исин, дрожащим пальцем указывая ему на дверь.

Теперь Цзянь Иянь казался ей куда приятнее собственного мужа. Цзянь Иянь с холодным выражением лица слегка качнулся в сторону, уворачиваясь от летящей в него чашки.

На третий день он все еще не написал ни строчки. Система была в панике: если не сдать работу к пятому дню, это приравняют к отказу от участия.

— Давай быстрее! Хоть что-нибудь напиши, даже если слог будет плохим!

Цзян Юнь, вернувшись после занятий музыкой, увидел его, погруженного в глубокие раздумья, и обеспокоенно спросил:

— Может, сходишь развеяться?

Цзянь Иянь перевел тему:

— В музыкальном ведомстве тебя никто не обижал?

Цзян Юнь почувствовал тепло на душе и улыбнулся:

— С тех пор как ты заступился за нас перед Сяо Ли, они не смеют этого делать.

Если бы не Цзянь Иянь, они с Цзян Вань до сих пор могли бы находиться в рабстве, терпя издевательства... Где бы им было учиться мастерству? Подумав об этом, он покраснел, и его взгляд, обращенный к Цзянь Ияню, стал более пылким.

— Вот и хорошо, — кивнул Цзянь Иянь, ставя благополучие Цзян Юня на первое место, ведь от этого зависел успех задания Системы.

Только они заговорили, как в дверь постучали. За дверью стояла Цзян Вань, шмыгая носом.

— Ван'эр? — Цзян Юнь замер, наклонился, чтобы осмотреть ее руки, и нахмурился: — Они обидели тебя?

— Братик, не волнуйся, они не обижали Ван'эр, — она опустила голову, теребя пухлыми пальчиками край одежды. — Ван'эр хотела поговорить с братом Иянем.

— Со мной? — удивился Цзянь Иянь. — Если хочешь поблагодарить, то не стоит...

Цзян Вань закусила губу, в ее глазах заблестели слезы:

— Нет... я...

Цзян Юнь, видя ее состояние, потянул сестру в комнату, посадил к себе на колени и принялся вытирать слезы:

— Не плачь, Ван'эр...

Цзянь Иянь почувствовал укол в сердце и поспешил успокоить:

— Не спеши, говори медленно, я слушаю.

С детства он больше всего боялся женских слез — это вызывало у него жуткое чувство вины. Система подала голос:

— Я столько слез пролила, наблюдая за драмами, а ты меня ни разу не утешил!

Цзянь Иянь лишь закатил глаза: «Разве это одно и то же?!»

Цзян Вань перестала плакать, сжала руку брата и твердо произнесла:

— Я... я хочу защищать брата.

Цзян Юнь и Цзянь Иянь остолбенели.

— Я хочу учиться боевым искусствам! — голос Цзян Вань звучал нежно, но в глазах сияли звезды. — Чтобы прогнать всех негодяев, которые обижают брата!

Цзянь Иянь посмотрел на нее:

— Но это очень тяжело, ты будешь часто получать травмы. Не боишься?

— Не боюсь! — она улыбнулась, сияя, как подсолнух.

Глубокой ночью Цзян Юнь открыл глаза и посмотрел на Цзянь Иянь, продолжавшего трудиться при свете лампы. Тот то чесал затылок, то вздыхал, то бездумно крутил кисть, испачкав себе всё лицо тушью.

— Еще не спишь? — Цзян Юнь сел рядом, бросив взгляд на бумагу.

— Еще немного, — не поднимая головы, ответил Цзянь Иянь.

Цзян Юнь мягко улыбнулся:

— Знаешь, я очень удивлен, что ты позволил Ван'эр учиться боевым искусствам.

Если бы Инь Вэй захотел расправиться с кланом Сяо или Цзянь, он мог бы использовать это как повод для обвинения в укрывательстве и заговоре. Но Цзянь Иянь, казалось, совсем не боялся.

Цзянь Иянь зевнул:

— В том, чтобы девушка владела приемами, нет ничего плохого. Даже если не брать в расчет защиту других, главная цель боевых искусств — суметь защитить себя.

Мир, в котором они жили, был странным: мужчины могли любить друг друга, но женщинам предписывалось строго следовать нормам этикета, даже выходя из дома с закутанными лицами. Он не питал иллюзий, что сможет уравнивать права женщин и мужчин, но хотел хотя бы облегчить им жизнь, чтобы они могли свободно выйти на улицу за пудрой и румянами.

— Впрочем... если ты беспокоишься обо мне, то зря, я со всем справлюсь, — добавил Цзянь Иянь.

Цзян Юнь согласно кивнул. Цзянь Иянь, продолжая писать, спросил его мнение о сути диспута. Цзян Юнь полностью разделял его взгляды.

— А ты, оказывается, не был «промыт» этой системой, — заметил Цзянь Иянь.

Цзян Юнь и сам понимал, почему: он и сестра были детьми наложницы, поэтому лучше других чувствовали, как нелегко приходится женщинам. Стоило такой женщине выйти замуж, как вся ее жизнь замыкалась в стенах небольшого двора. Самое печальное, что мир считал это естественным порядком вещей.

Вспомнив об этом, Цзян Юнь подумал о матери Цзянь Ияня — Сяо Сыжун. Говорили, что в свое время они с Благородной супругой Сяо были известнейшими красавицами столицы, но в итоге обе стали разменной монетой в политических играх. Никто не спрашивал, чего хотели они сами. Мир считал, что им повезло, не понимая их безмолвного презрения. Сяо Сыжун скончалась вскоре после рождения сына. Именно поэтому Цзянь Иянь, будучи одним из тех, кто извлекает выгоду из этого строя, вызывал у Цзян Юня глубокое восхищение своей эмпатией и смелостью.

Цзянь Иянь отложил кисть и с облегчением выдохнул — до рассвета текст был готов. Все его скудные познания в литературе были исчерпаны.

Почувствовав тяжесть на плече, он обернулся и увидел, что Цзян Юнь заснул, прислонившись к нему.

На пятый день все тексты были поданы.

Мужчина, восседавший в главном зале под знаменами с изображением белого тигра, лениво пролистал бумаги и сказал евнуху:

— Позови Вэнь Шидао и цензора Ло Чжи.

— Слушаюсь.

Вскоре они вошли в зал. Инь Вэй, прищурившись, смотрел на них, словно ядовитая змея на добычу.

— Как продвигаются дела с активами Сяо Ли? — спросил он.

Ло Чжи похолодел:

— Ваше Высочество, Сяо Ли крайне осторожен...

— Ты просто бестолочь, раз ничего не добился! — Инь Вэй швырнул в него донесением. — Теперь Сяо Ли сам наносит ответный удар!

Ло Чжи побледнел. В документах, которые он открыл, было его имя — Сяо Ли использовал старые ошибки, чтобы обвинить его.

— Продолжай расследование, — ледяным тоном произнес Инь Вэй. — Если не справишься — расправишься с теми двумя из клана Цзян.

Когда Ло Чжи ушел, Инь Вэй повернулся к Вэнь Шидао:

— Что думаешь о диспуте?

Вэнь Шидао подошел и безошибочно вытянул текст Цзянь Ияня.

— Решать ему.

День диспута.

Цзянь Иянь зевнул, садясь в карету Сяо Ли. Тот был мрачен, но все же посоветовал не нервничать. Цзянь Иянь кивнул. Для таких, как Сяо Ли, его поведение было лишь юношеской бравадой.

Диспут проходил в главном зале. Присутствовали сановники и даже прикованный к постели Император Нин. Кроме того, принцесса Жунхуа и королева Западного Ляна пригласили множество знатных дам, которые добровольно участвовали в дискуссии.

Система съезвила:

— Ты прямо защитник прав женщин, Цзянь Иянь!

Он оглянулся: позади его сторонников сидели одни женщины. Напротив, на стороне Пэй Жуна, сидела сплошная стена из студентов.

— Ну что ж, — подумал он. — Ладно.

Масштаб был внушительным. Ноги перестали дрожать. Он посмотрел на дрожащего соратника рядом:

— Не бойся, представь, что вокруг никого нет.

Цзянь Иянь знал: что бы ни случилось, он уже готов к худшему. В этот момент он хотел следовать лишь зову собственного сердца. Тот, кто стремится изучать звезды, не будет скован рамками морали и этикета.

— Диспут объявляется открытым!

Цзянь Иянь и Пэй Жун выступали последними. Пока они слушали других, Цзянь Иянь думал о том, как однажды учитель физики твердил, что девушки не способны к точным наукам. Он тогда ответил девушке, которая хотела изучать физику: «Если хочешь — учись». Он считал, что наука не делится на мужскую и женскую.

Наконец, очередь дошла до них. Цзянь Иянь спокойно поднял руку:

— Прошу.

Пэй Жун начал свою речь, сыпля цитатами из классиков, защищая догмы о том, что муж — это опора жены, а женский кругозор ограничен. Его сторонники одобрительно кивали. Женщины же, слушая это, бледнели от гнева и бессилия.

Закончив, Пэй Жун посмотрел на него:

— Прошу.

Цзянь Иянь, чеканя каждое слово, произнес:

— Повсюду лишь гнилые правила и догмы, с которыми я не могу согласиться.

Пэй Жун вспыхнул:

— Ты...!

Вэнь Шидао бросил на него острый взгляд, и Пэй Жун замолчал.

— Вы изучаете классику, чтобы обрести человеколюбие, а не для того, чтобы творить зло ради славы. Вы пользуетесь шелком и чаем, созданными теми самыми женщинами, которых презираете, и считаете это в порядке вещей. Как много мудрости древних вы исказили в угоду себе? Вы знаете хоть что-то о великих женщинах прошлого? Если бы им дали возможность учиться, мужчины постыдились бы своей ограниченности!

— Кто сказал, что женщина не может быть твердой, как скала, гибкой, как бамбук, и яростной, как пожар? Силу и красоту женщины не другим определять. Они могут стричь волосы, надевать доспехи, сражаться с врагами и умирать за страну; они могут читать тысячи книг, рассуждать о легендах и вести жаркие споры.

Цзянь Иянь прямо посмотрел на противника:

— Женщины не уступают мужчинам, а героизм не имеет пола!

Много лет назад нежная женщина по имени Сыжун крепко обняла своего сына и прошептала:

— Иянь, лучше промолчать, чем сказать тысячу слов. Но даже если весь мир будет против тебя, ты должен стоять так, чтобы не стыдно было смотреть в небо и в глаза людям.

Инь Вэй был в ярости. Он не ожидал, что этот старик Вэнь Шидао выкарабкается и даже сосватает свою дочь!

— Что ж, — подумал он, — теперь Вэнь Шидао, наверное, злитя еще больше меня.

Вспомнив лицо Цзянь Ияня, он почувствовал странную досаду, не понимая, злится ли он на императора или на этот указ о браке. Предметы на столе полетели на пол. Он решил, что должен поговорить с Вэнь Шидао.

После диспута новость о том, что Цзянь Иянь станет мужем принцессы Линьянь, разлетелась по всей столице. Указ был издан принцессой Жунхуа совместно с императором, и даже Инь Вэй не мог на него повлиять.

Цзянь Иянь стоял на коленях, слушая указ:

— ...Принцесса Линьянь добродетельна и мудра; сын главы Министерства общественных работ, Цзянь Иянь, наделен выдающимся талантом и честностью. Назначаю его супругом принцессы...

Цзянь Иянь был ошарашен. Он не ожидал, что этот диспут принесет посмертную славу его матери. Он машинально поклонился, принимая волю императора. А за воротами дома уже ждала новая делегация...

<http://bllate.org/book/21581/2223645>